

О. М. БЕЛЯЕВА

**АКАДЕМИЧЕСКОЕ СООБЩЕСТВО
ПЕТЕРБУРГСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
В РЕКТОРСТВО Э. Д. ГРИММА**

КОНФЛИКТЫ В ПРОФЕССОРСКОЙ СРЕДЕ

Рассмотрены конфликты в академическом сообществе Петербургского университета, ставшие следствием кадровой политики министра народного просвещения Л. А. Кассо – перемещения столичных профессоров в провинциальные университеты и назначения на их места профессоров из провинций. Показано, как складывались отношения между группами профессоров в ректорство Э. Д. Гримма, какую позицию он занимал в академическом сообществе, чьи интересы и каким образом отстаивал, как развивалось и чем разрешилось противостояние профессоров, и какие последствия имело для обеих сторон.

Ключевые слова: конфликты, академическое сообщество, Петербургский университет, министр народного просвещения Л. А. Кассо, ректор Э. Д. Гримм, столичные профессора, профессора по назначению.

Эрвин Давидович Гримм занимал пост ректора непрерывно в течение семи лет (1911–1918). Его ректорство стало временем противостояния столичной профессуры¹ и профессоров по назначению, которое продлилось до 1917 г. Оппозиция в академической среде была следствием кадровой политики министра народного просвещения Л. А. Кассо, затронувшей как столичные, так и провинциальные университеты. В историографии эта проблема рассматривается преимущественно с точки зрения конфликта имперских властей и российского академического сообщества². Однако ее изучение на примере Петербургского университета дает выход на другую, не менее важную проблему. В рамках указанного конфликта постепенно развивался конфликт внутри самого академического сообщества, который проявился с увольнением столичных профессоров и приходом на их место профессоров по назначению³.

---

¹ Слово сочетание «столичные профессора» используется в тексте во избежание путаницы при рассмотрении конфликтов с профессорами по назначению.

² О конфликте между имперскими властями и академическим сообществом в министерство Л. А. Кассо см.: *Лейкина-Свирская*. 1947. С. 151-158; Яковлев. 1970; *Kassow*. 1989. P. 365-366; *Ермолаев*. 2003. С. 131-136; *Романов*. <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1154117>; *Ростовцев*. 2009. P. 75-123; *Соломонов*. 2006. С. 117-126; и др.

³ См.: *Беляева*. 2009. С. 325-327, 329-330.

Кадровая политика министра Л. А. Кассо в Петербургском университете была обусловлена тем, что он постоянно сталкивался с сопротивлением профессуры в самых разных его проявлениях. Многие распоряжения министра Совет профессоров на практике игнорировал и продолжал публично полемизировать с ним. Совет пытался дискредитировать Л. А. Кассо, используя для этого бюрократические, правовые и другие возможности. Составление различного рода ответов министру инициировалось, как правило, представителями юридического факультета, которые, как справедливо отметил Е. А. Ростовцев, все вместе являлись своеобразным консультативным советом по правовым вопросам. В этом смысле становятся понятны все последующие действия Л. А. Кассо, связанные с реформированием именно юридического факультета. Увольняя оппозиционных ученых и назначая на их места консервативных профессоров из провинций, министр избавлялся от «неудобных» профессоров и одновременно способствовал изменению соотношения сил в Совете Петербургского университета⁴.

Принудительный перевод столичных профессоров в провинциальные университеты начался еще в ректорство брата Э. Д. Гримма, правоведа Д. Д. Гримма. В августе 1911 г. профессор гражданского права М. Я. Пергамент был назначен ординарным профессором Юрьевского университета, но, не согласившись на перевод, в знак протеста подал в отставку⁵. Коллеги М. Я. Пергамента по юридическому факультету единогласно постановили обратиться к министру с ходатайством о пересмотре принятого им решения⁶, однако в этом вопросе Л. А. Кассо остался непреклонен⁷. Вслед за отставкой М. Я. Пергамента ушел с поста ректора Д. Д. Гримм. Еще в мае 1911 г. Д. Д. Гримм собирался отказаться от своей административной должности, признавая Совету, что «у него не хватает ни сил, ни настроения нести ректорские обязанности». Он учитывал и «объективные затруднения», с которыми приходилось считаться, такие как «ограничение университетской автономии» и «отсутствие внутренней дисциплины среди значительной части студенчества». И только уговоры коллег не позволили ему тогда покинуть пост⁸. После отставки М. Я. Пергамента Д. Д. Гримм был настроен более решительно. Рассматривая действия министра не иначе как очередной шаг к ограничению университетской автономии и не имея возможности

⁴ Ростовцев. Указ. соч. Р. 111, 115.

⁵ Протоколы ... за 1911 г. 1913. С. 140-141.

⁶ Там же. С. 142.

⁷ Таубе. 2007. С. 149.

⁸ Протоколы ... за 1911 г. С. 108-109.

противостоять им, Д. Д. Grimm без колебаний подал прошение об отставке и уже 12 сентября 1911 г. был уволен с поста ректора⁹.

После ухода Д. Д. Grimma началась своеобразная борьба за должность ректора. Поочередно избранные В. М. Шимкевич и А. Е. Фаворский отказались вступить в эту должность¹⁰. Возможно, своими действиями они выражали поддержку Д. Д. Grimmu и готовы были оставить университет вовсе без ректора в знак протеста против политики министра Л. А. Кассо. Неслучайно ситуацию, возникшую после увольнения М. Я. Пергамента, профессор Ф. А. Браун позднее характеризовал как «шум, [который] отобьет у К. [Кассо] охоту на повторение»¹¹. Избранный 26 октября 1911 г. Э. Д. Grimm, на тот момент уже исполнявший должность ректора, отводить своей кандидатуры не стал¹².

При ректоре Э. Д. Grimme последовали новые кадровые перестановки. На освободившиеся места министр Л. А. Кассо по своему усмотрению производил новые назначения. При этом он не считался с «Временными правилами об управлении высшими учебными заведениями» 1905 г., одно из положений которого гласило, что право выбора кандидата на имеющуюся вакансию закреплялось за Советом университета¹³. Министр не учитывал также, что и в министерство графа И. И. Толстого было издано распоряжение, согласно которому практика утверждения кандидата на вакантную должность через прохождение соответствующих процедур его избрания становилась правилом¹⁴. При назначении профессоров в Петербургский университет Л. А. Кассо руководствовался их политической благонадежностью, то есть консервативностью взглядов¹⁵, в то время как самих профессоров могло привлекать повышение в должности и проживание в столице.

Столичных профессоров, конечно, не могло устроить то, что места их товарищей занимают теперь другие лица, пусть даже и бывшие выпускники и преподаватели Петербургского университета. Еще министр И. И. Толстой пытался поставить права профессуры под защиту закона. В 1906 г. при разработке нового университетского устава в проекте был предусмотрен параграф, согласно которому «удаление профессора от

⁹ Там же. С. 159-160.

¹⁰ Там же. С. 168, 171, 209, 212.

¹¹ ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 180. Л. 66 об.

¹² Избрание Э. Д. Grimma на должность ректора состоялось 26 октября 1911 г. и было утверждено 12 декабря 1911 г.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9226. Л. 164, 167.

¹³ ПСЗ. Собр. III. Т. XXV. Отд. I. С. 658-659.

¹⁴ Протоколы ... за 1906 г. 1907. № 62. С. 79.

¹⁵ Ростовцев. Указ. соч. Р. 111.

занимаемой кафедры может последовать лишь по суду»¹⁶. Но с уходом И. И. Толстого проект нового университетского устава так и не был принят. Поэтому на профессоров по-прежнему распространялось общее для всех государственных служащих законоположение о гражданских чинах. Для увольнения профессора достаточно было признания министра в том, что он либо «не способен к [ее] исправлению», либо является «неблагонадежным». В любом случае, министр данной ему властью мог отстранить профессора от службы «по своему усмотрению» и «без [его] согласия»¹⁷, что делало положение ученого уязвимым и унижительным.

В 1912 г. вновь последовали переводы и назначения. В июле профессор римского права И. А. Покровский был переведен в Харьковский университет, но будучи против, подал в отставку¹⁸. Тогда же из Новороссийского университета в Петербургский прибыли доктор государственного права В. М. Грибовский и доктор гражданского права С. П. Никонов. Первый был назначен ординарным профессором по кафедре энциклопедии права, второй – по кафедре торгового права и судопроизводства¹⁹. Назначение Грибовского и Никонова стало возможным, так как министр не утвердил кандидатуры лиц, избранных юридическим факультетом и успешно баллотировавшихся в Совете университета: приват-доцента М. И. Туган-Барановского, доктора государственного права Ф. И. Тарановского и доктора гражданского права В. М. Гордона²⁰, хотя изначально Кассо сам предложил факультету заместить вакантные кафедры до наступления 1912–1913 учебного года²¹.

В петербургской академической среде нарастало чувство всеобщего негодования мерами Л. А. Кассо, которое привело к жесткому противостоянию внутри научного сообщества. Часть кадетской профессуры в Совете университета пыталась склонить остальных его членов к коллективному уходу по примеру Москвы²². Как отмечал А. Е. Пресняков, «после эпизода с [И. А.] Покровским Д.[Д.] Гримм, [А. А.] Шахматов, [М. А.] Дьяконов, [Ф. А.] Браун затолковали об уходе в отставку, и дру-

¹⁶ Русские ведомости. 1915. № 141.

¹⁷ Свод законов Российской империи. 1876. Т. III. Ст. 761. С. 165.

¹⁸ Протоколы ... за 1912 г. 1914. № 68. С. 120.

¹⁹ Там же. С. 127.

²⁰ Там же. С. 119.

²¹ Там же. С. 80.

²² Протест московских профессоров против нахождения полиции в здании университета привел к конфликту с Министерством народного просвещения, в результате чего президиум Совета подал в отставку, которая была принята министром. В знак протеста против действий Л. А. Кассо коллеги уволенных профессоров приняли решение о коллективной отставке. См.: *Ермолаев*. Указ. соч. С. 131.

гие с ними»²³. Ректор Э. Д. Гримм все же пытался сдержать порыв своих негодующих коллег, чем, однако, вызывал неудовольствие с их стороны. По поводу отставки И. А. Покровского Э. Д. Гримм собирался переговорить с Л. А. Кассо, но их встреча из-за отъезда министра не состоялась. Позднее ректор и вовсе отказался от своего намерения²⁴.

Возможно, если бы не уговоры Э. Д. Гримма, Ф. А. Браун так и остался бы при своем изначальном мнении – вместе с другими коллегами покинуть университет в знак протеста. Однако с решительно настроенными уйти профессорами ректор вел оживленную переписку в vacationное время, и она имела определенный успех. Так, Ф. А. Браун, встав на сторону Э. Д. Гримма, сам принялся убеждать бывших своих идейных сторонников в необходимости оказания поддержки ректору. Он писал (в письме А. А. Шахматову): «нам уходить нельзя [подчеркнуто автором. – О. Б.]. Наш уход был бы практически бессмысленен, принципиально неправилен. <...> Мы не хотим стать послушным орудием в руках министерства, не хотим быть холопами, которых барин перемещает из одного имения в другое. <...> Пример Москвы ужасен. Мне бы не хотелось, чтобы и про нас говорили: сами виноваты, бросили дело, обидевшись»²⁵.

Итак, «левые» профессора были решительно настроены к уходу, хотя среди них уже появлялись противники таких действий, вроде Брауна. С. Ф. Платонов, стоявший во главе «правых», разделял мнение Э. Д. Гримма о том, что «уход загубит <...> университет, разрушит преподавание и вредебезги развинтит студентов»²⁶. Придерживаясь разных взглядов, «правые» и «левые» профессора устраивали частные товарищеские совещания, пытаясь решить, как следует отреагировать на мероприятие Кассо, однако, прийти к единому мнению так и не удавалось²⁷.

Позиция Шахматова беспокоила Гримма больше всего, так как среди профессоров он, по словам Преснякова, считался «такой нравственной силой, что его уход произведет впечатление крупной демонстрации»²⁸. Чтобы сохранить единство академического сообщества, Гримму нужно было принять такое решение, которое не противоречило бы интересам и настроениям его коллег.

Поначалу Гримм поддержал идею Шахматова и вместе с ним собирался подготовить «определенное предложение» министру от имени

²³ Пресняков. 2005. С. 734. № 788.

²⁴ ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 180. Л. 66 об.

²⁵ Там же. Л. 71 об.

²⁶ Пресняков. Указ. соч. С. 737. № 792.

²⁷ Об итогах совещания «левых» профессоров см.: Там же. С. 739. № 794.

²⁸ Там же. С. 737. № 792.

всего Совета, однако впоследствии планы ректора изменились. Как писал Пресняков, Grimm решил не допускать никакой демонстрации Совета, а выступить с речью перед коллегией профессоров. Замысел Grimma, по свидетельству Преснякова, заключался в том, чтобы «высказать от себя все, что накипело у профессоров, чтобы совету ничего не осталось, как согласиться с ним». Ректор собирался представить «весь конфликт» как свое «личное столкновение с министром», иными словами, принять на себя всю ответственность за выражение несогласия с мерами Министерства народного просвещения, и, тем самым, «не выдать совета»²⁹. Какие бы последствия ни имело состоявшееся заседание Совета³⁰, но толки «левых» об уходе постепенно стихли, а, значит, поставленную перед собой задачу – сохранить единство академического сообщества – Э. Д. Grimm выполнил не без успеха.

С тех пор как в университете появились профессора-«назначенцы», между ними и столичными профессорами периодически возникали конфликты, которые могли происходить как на личном уровне, так и между группами ученых. Так, профессор В. М. Грибовский вступил в открытое столкновение с ректором, отказываясь подчиняться его распоряжению читать лекции в здании старого физического института³¹. Grimm перевел лекции профессоров-«назначенцев» в изолированное помещение, каким являлось здание старого физического института, «опасаясь беспорядков студентов и не ручаясь за личную неприкосновенность преподавателей»³². Хотя, скорее всего, ректор действовал в интересах столичных профессоров, которых не хотел обрекать на невыносимый для них режим работы в университете под конвоем полиции. Грибовскому, в свою очередь, могло не понравиться то, что распоряжение ректора о необходимости перевода лекций «назначенцев» в другое здание делало разделение профессоров на столичных и пришлых буквальным³³. В итоге Грибовский, хотя и не без вмешательства министра Кассо, вынужден был выполнять распоряжение ректора³⁴.

Другим поводом для противостояния «назначенцев» и их столичных оппонентов стал спор о параллельных профессорским курсам приват-доцентов, вследствие чего последние тоже оказались втянуты в конфликт. Распоряжение министра о том, что приват-доцентам запрещается

²⁹ Там же. С. 742. № 797.

³⁰ Протоколы ... за 1912 г. С. 121-122.

³¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 25. Д. 46. Л. 68 об.

³² Там же. Л. 67.

³³ Там же. Л. 75.

³⁴ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9259. Л. 124.

читать лекции параллельные профессорским³⁵, появилось вскоре после бойкота студентами занятий двоих «назначенцев»³⁶ – (профессора финансового права из Харьковского университета П. П. Мигулина³⁷ и профессора гражданского права из университета св. Владимира В. А. Удинцева³⁸). Студенты могли слушать схожие курсы у приват-доцентов, без риска не получить зачет по предмету³⁹, но профессора-«назначенцы» в таком случае существенно теряли в размерах гонораров. А, кроме того, в качестве приват-доцентов в университет могли возвратиться уволившиеся М. Я. Пергамент и И. А. Покровский, которые уж точно составили бы серьезную конкуренцию профессорам по назначению⁴⁰.

Все это Кассо понимал, поэтому вдруг возникшую необходимость запрета пытался объяснить положениями устава, в которых, по его мнению, статей, прямо указывающих на то, что приват-доценты имеют право читать параллельные профессорским курсы, нет⁴¹. И хотя Совет профессоров и члены юридического факультета неоднократно обращались к министру, выражая собственное видение этого вопроса с правовой точки зрения⁴², Правительствующий Сенат стал на сторону министра⁴³.

Вскоре полемика вокруг вопроса о приват-доцентских курсах разгорелась между профессорами на юридическом факультете при составлении обозрения преподавания на будущий учебный год. На стороне «назначенцев» В. А. Удинцева, В. М. Грибовского и С. П. Никонова выступили И.И. Чистяков, приехавший из Новороссийского университета, и недавно получивший докторскую степень А. С. Яценко из Юрьевского университета. Первый еще в декабре 1912 г. был назначен ординарным профессором по кафедре политической экономии⁴⁴, второй в марте 1913 г. – экстраординарным профессором по кафедре энциклопедии права и истории философии права⁴⁵. Удинцев рассматривал обязательные специальные курсы приват-доцентов, назначаемые сверх обя-

³⁵ Протоколы ... за 1912 г. С. 59-72.

³⁶ *Л-вичь*. 1912. С. 90.

³⁷ Протоколы ... за 1911 г. С. 224.

³⁸ Протоколы ... за 1912 г. С. 9.

³⁹ *Л-вичь*. Указ. соч. С. 90.

⁴⁰ *Гримм*. 1913. С. 280.

⁴¹ РГИА СПб. Ф. 733. Оп. 155. Д. 270. Л. 14 об., 37-38 об. По мнению Д. Д. Гримма, такое толкование статей устава было самым простым способом для Кассо добиться желаемой цели. *Гримм*. Указ. соч. С. 280.

⁴² Там же. Л. 51-56.

⁴³ Протоколы ... за 1913 г. 1915. С. 25.

⁴⁴ РГИА СПб. Ф. 733. Оп. 155. Д. 146. Л. 69.

⁴⁵ Там же. Л. 55.

зательных профессорских, как нецелесообразные, поэтому считал, что подобные курсы приват-доцентов следует только рекомендовать студентам⁴⁶. Фактически его предложение вступало в противоречие с недавно принятым решением декана А. Х. Гольмстена о поручении нескольким приват-доцентам читать специальные обязательные курсы⁴⁷. И, хотя Удинцев имел свое «особое» мнение по этому вопросу, к которому присоединились еще несколько профессоров по назначению, на решение декана оно повлиять не могло. В то же время вовсе не от Гольмстена зависело утверждение обозрения. В скором времени обозрение преподавания, а вместе с ним и «особые» мнения профессоров по назначению оказались на столе у министра. Л. А. Кассо поддержал их позицию, утвердив обозрение преподавания с оговоркой⁴⁸, а декана и вместе с ним секретаря факультета А. А. Жижиленко вскоре уволил от должности. На их места были назначены соответственно В. А. Удинцев и бывший профессор Томского университета Н. Н. Розин⁴⁹.

Теперь все вопросы, касающиеся, в частности, преподавания приват-доцентов, оказались под контролем Удинцева. Именно его деканство отмечено несколькими случаями, связанными с попытками руководства юридического факультета отстранить приват-доцентов от преподавания. Наибольшего внимания заслуживает инцидент, который произошел с приват-доцентом А. М. Горовцевым, когда не были соблюдены не только рамки законности, но и нормы этики. Как впоследствии выяснил сам Горовцев, его устранение от преподавания должно было состояться в соответствии со статьей 113 университетского устава 1884 г., лишавшей приват-доцента права читать лекции, если он в течение полугода не вел занятий без уважительной причины⁵⁰, какой и являлась официальная версия факультета. Как оказалось впоследствии, виновником решения факультета о лишении приват-доцента Горовцева права вести преподавательскую деятельность стал ординарный профессор по кафедре международного права А. А. Пиленко⁵¹, который опорочил его репутацию, воспользовавшись провокационными сведениями из прессы, касающимися семейной жизни приват-доцента⁵². Разбирательство инцидента

⁴⁶ Протоколы ... за 1913 г. С. 129-130.

⁴⁷ Там же. С. 104.

⁴⁸ РГИА СПб. Ф. 733. Оп. 155. Д. 270. Л. 136 об.

⁴⁹ Протоколы ... за 1913 г. С. 176.

⁵⁰ РГИА СПб. Ф. 733. Оп. 155. Д. 684. Л. 226.

⁵¹ Протоколы ... за 1912 г. С. 9.

⁵² В частности, Пиленко ссылаясь на дурное обращение Горовцева с детьми от первого брака. См.: РГИА СПб. Ф. 733. Оп. 155. Д. 684. Л. 155, 158 об., 159 об., 204.

длилось двагода. В результате, со стороны управления Петербургским учебным округом последовало предложение о пересмотре постановления факультета⁵³, а Горовцеву пришлось вторично подавать прошение в факультет о принятии его в состав приват-доцентов⁵⁴. Вернуться же к преподаванию он смог уже только при попечителе Н. К. Кульчицком⁵⁵.

Можно отметить и еще один любопытный факт. Поскольку инцидент между Горовцевым и Пиленко получил довольно широкую огласку, администрация университета и попечитель заинтересовались выяснением причин, побудивших юридический факультет представить к отчислению из состава приват-доцентов и многих других лиц⁵⁶. Учитывая, какое мнение о приват-доцентских курсах имел сам декан факультета и его коллеги-«назначенцы», можно предположить, что отстранение приват-доцентов от преподавания было спланированным.

Размышляя о политике Л. А. Кассо после ухода М. Я. Пергамента и И. А. Покровского, Ф. А. Браун с тревогой писал А. А. Шахматову, что в случае их коллективного ухода в знак протеста, «университет заполняют недостойные люди <...> и, в конце концов, университет примет тот вид, который К. [Кассо] желает ему придать: на кафедрах будут сидеть хамы <...> или в лучшем случае, люди слабые и карьеристы, приносящие науку в жертву политике министерства»⁵⁷. Жесткая риторика Брауна в отношении профессоров по назначению стала результатом его непосредственной вовлеченности в конфликт. К кому из пришедших профессоров Браун мог бы теперь «примерить» подобные характеристики, сказать сложно, но в либеральной прессе особое внимание было уделено поиску недостатков «назначенцев» профессионального и личного свойства. В «Речи» появилась заметка о не слишком впечатляющих успехах профессора С. П. Никонова на раннем этапе научной карьеры⁵⁸. Нелицеприятные отклики о профессоре В. А. Удинцеве дал знавший его в прежние годы князь Евгений Трубецкой. Он упрекал профессора в том, что тот читал лекции, невзирая на низкую посещаемость своих занятий. Однако у Удинцева, вероятно, другого выхода и не было. Низкая посещаемость лекций «назначенцев» стала следствием бойкота со стороны радикально настроенного студенчества, и отказ от чтения лекций в таких условиях означал бы провал кадровой политики Кассо. Продолжая читать лекции,

⁵³ Там же. Л. 153 об.

⁵⁴ Там же. Л. 158-158 об.

⁵⁵ Там же. Л. 240 об.-241.

⁵⁶ Там же. Л. 156.

⁵⁷ ПФА РАН. Ф. 134. Оп. 3. Д. 180. Л. 67.

⁵⁸ Новые петербургские профессора...

«назначенцы» демонстрировали поддержку министерского курса. Трубецкой не обошел вниманием и профессора Грибовского, признавшись, что о его научных заслугах как философа и теоретика права (а именно на эту кафедру он был назначен, хотя являлся специалистом по государственному праву), ему «решительно ничего неизвестно»⁵⁹.

В начале августа 1913 г. брат ректора Д. Д. Гримм был перемещен ординарным профессором в Харьковский университет⁶⁰. Будучи членом Государственного Совета, он не мог уехать в Харьков, о чем Кассо прекрасно знал. И хотя Д. Д. Гримм лично принял решение о своей отставке, министр представил дело так, будто ему пришлось его уволить в связи с неисполнением обязанностей на новом месте службы⁶¹. Коллеги Д. Д. Гримма не остались безучастными к судьбе товарища. На заседании Совета выступил Ф. А. Браун, который назвал уход Д. Д. Гримма «тяжелой утратой» и с чувством уважения и благодарности охарактеризовал его административную деятельность, особенно в годы ректорства. В заключение Браун предложил Совету избрать депутацию, которая «могла бы лично передать ему чувство нашего глубокого сожаления по поводу того, что он выбыл из нашей среды»⁶². Затем слово взял профессор Грибовский, который предлагал отклонить предложение Брауна. По его мнению, «в заседании Совета не могут быть обсуждаемы <...> выражения сочувствия или порицания», так как об этом не сказано ни в статьях уставов, ни в правилах 1905 г., не было и соответствующих предложений попечителя⁶³. Из «назначенцев» Грибовского поддержали В. А. Удинцев, И. И. Чистяков, С. Н. Никонов, Ф. К. фон Зелер и А. А. Жилин (двое последних профессоров были назначены министром, первый занял место ушедшего И. А. Покровского в мае 1913 г.⁶⁴, второй – кафедру государственного права в июне 1913 г.⁶⁵). Затем выступил ректор, заявив, что у него «нет никаких сомнений как в законности самого предложения профессора Ф. А. Брауна, так и в допустимости его вынесения на обсуждение в Совете без предварительной постановки вопроса на повестку». Э. Д. Гримм также заметил, что высказывание чувств в исключительных обстоятельствах университетской жизни, как, например, юбилея, смерти или выбытия профессора из состава Совета,

⁵⁹ Л. А. Кассо и просвещение...

⁶⁰ Протоколы ... за 1913 г. С. 153.

⁶¹ *Поспелов*. 1914. С. 125-126.

⁶² Протоколы ... за 1913 г. С. 154.

⁶³ Там же. С. 155.

⁶⁴ Там же. С. 144.

⁶⁵ Там же. С. 158.

стало длительной практикой в университете. Он предложил проголосовать за предложение Брауна. Встали все присутствовавшие, кроме тех, кто поддержал Грибовского⁶⁶. Хотя попытка Грибовского продемонстрировать компетентность в вопросах законодательства оказалась неудачной, теперь он имел определенный круг сторонников. Поддержав его, «назначенцы» противопоставили себя столичным профессорам.

После отставки Д. Д. Гримма столичные профессора уже не говорили о необходимости уйти вслед за ним, как это было прежде, когда университет покинул И. А. Покровский. Может быть, такой шаг, как коллективная отставка, уже не представлялся им выходом из сложившегося положения, так как это было бы, как стало ясно на примере Москвы, только на руку министру. Итак, в министерство Кассо юридический факультет оказался фактически в руках «назначенцев», так как теперь они численно преобладали. Однако, как верно заметил Е. А. Ростовцев, их мнение в Совете профессоров не имело существенного веса при подавляющем большинстве голосов столичной профессуры⁶⁷.

После смерти обязанности министра недолго выполнял товарищ министра барон М. А. Таубе, его сменил граф П. Н. Игнатъев. С его назначением прошел слух о возможном возвращении профессоров, покинувших Московский университет в 1911 г. Речь шла об уволенных Кассо бывшем ректоре А. А. Мануйлове, его помощнике М. А. Мензibre, проректоре П. А. Минакове, а не о тех, которые в их поддержку сами ушли со своих должностей. Однако министр, хотя и не имел ничего против этих лиц, все же не решился делать для них исключения, так как кафедры, которые они прежде занимали, теперь не были вакантны⁶⁸.

Ректор Э. Д. Гримм также обращался к министру П. Н. Игнатъеву с просьбой о возвращении в Петербургский университет уволенных Кассо профессоров. Разговор об этом между ними состоялся в начале сентября 1915 г.. В отличие от московских профессоров Э. Д. Гримму почти «удалось устроить через [П. Н.] Игнатъева возвращение в университет [Л. И.] Петражицкого и Д.[Д.] Гримма»⁶⁹. Возможно, министр охотно пошел навстречу ректору, потому что, по свидетельству Н. Н. Платоновой, «очень хорошо к нему относился»⁷⁰. Фигура ректора,

⁶⁶ Там же. С. 155.

⁶⁷ Ростовцев. Указ. соч. Р. 117.

⁶⁸ Вопрос о возвращении в университет уволенных профессоров...

⁶⁹ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5695. Л. 16. Автор выражает свою искреннюю благодарность Е. А. Ростовцеву, указавшему на такой весьма ценный источник, как дневник супруги С. Ф. Платонова, Н. Н. Платоновой.

⁷⁰ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5696. Л. 9.

старательно избегавшего конфликтов и готового к сотрудничеству, вероятно, вполне устраивала министра. Поэтому Игнатъев, используя служебные полномочия, оказывал Э. Д. Гримму некоторое покровительство, помогая решать его личные проблемы.

Прежде чем просить Игнатъева, Э. Д. Гримм удостоверился, желают ли сами профессора вернуться в университет. Д. Д. Гримм, в частности, поначалу согласившись, позднее поставил перед братом условия, при соблюдении которых он готов был возвратиться в университет. Д. Д. Гримм соглашался принять предложение ректора Э. Д. Гримма, только если будут приняты и другие уволенные профессора – М. Я. Пергамент и И. А. Покровский, и если их возвращение будет «обставлено с торжественностью, в виде демонстрации министерству»⁷¹. Э. Д. Гримм оказался в затруднительном положении. С одной стороны, он не мог допустить устройства демонстрации Министерству, рискуя испортить отношения с Игнатъевым. С другой стороны, он договаривался с министром о возвращении всего двух профессоров, а его брат настаивал на том, чтобы в университет вновь приняли всех его коллег по факультету, кто вместе с ним несколько лет назад вынужден был оставить свои должности под давлением Министерства. Однако как бы благородно ни выглядело стремление Э. Д. Гримма помочь собственному брату возвратиться в университет, показательно, что он, будучи ректором, не подумал об участии остальных профессоров, пострадавших во время конфликта с бывшим министром Л. А. Кассо.

Пытаясь найти выход из сложившейся ситуации, ректор обратился за советом к профессору С. Ф. Платонову, который предложил ему написать Д. Д. Гримму «самое осторожное» письмо, чтобы «не давать повода своим бывшим единомышленникам-кадетам “вешать на него [Э. Д. Гримма] собак”»⁷². Неизвестно, воспользовался ли ректор советом С. Ф. Платонова. Можно предположить, что раз Д. Д. Гримм отказался вернуться так, как предложил ему брат, а выполнить его условия не было возможности, то Э. Д. Гримм решил пока оставить все, как было.

Вскоре вопрос о возвращении в университет уволенных профессоров стал предметом обсуждения в Совете университета. Эту проблему поднял на февральском заседании Совета университета в 1916 г. профессор Ф. Ф. Зелинский. Его выступление во многом стало ответом на заявление «назначенцев». Решая проблему преподавания римского права на юридическом факультете в отсутствие отправленного в командировку

⁷¹ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5695. Л. 16.

⁷² Там же. Л. 16 об.

профессора В. Ф. фон Зелера, большая часть преподавательского состава факультета (т.е. профессора-«назначенцы»), предлагала распределить его нагрузку между профессорами И. Н. Трепицыным и С. П. Никоновым. Меньшинство же считало, что римское право, обширный и важный предмет, не может быть прочитано в одно короткое полугодие⁷³.

В ответ на заявление юридического факультета последовали возражения профессора Зелинского, который «единственным и верным» средством наладить занятия на юридическом факультете считал возвращение в университет И.А. Покровского и Д. Д. Гримма. Он выразил удивление по поводу того, почему факультет не воспользовался возможностью их пригласить, а остановился на поручении читать лекции по римскому праву цивилистам Никонову и Трепицыну, и в заключение предложил отвергнуть постановление юридического факультета⁷⁴, что вызвало оживленную дискуссию. Поскольку мнения разделились, Э. Д. Grimm предложил проголосовать вначале тем, кто поддерживал мнение большинства членов юридического факультета, а затем тем, кто был согласен с меньшинством. В итоге Совет университета большинством голосов постановление юридического факультета не принял⁷⁵.

Хотя на повестке дня стоял типичный для заседания Совета вопрос, однако вместе с его обсуждением была поднята весьма болезненная для столичных профессоров тема. Конечно, в отсутствие определенных университетским законодательством условий, на которые справедливо указывали выступавшие «назначенцы»⁷⁶, столичные профессора могли и не рассчитывать на скорое возвращение своих товарищей на прежние должности. Но поддержав мнение меньшинства юридического факультета, столичные профессора могли, по крайней мере, довольствоваться тем, что и заявление профессоров по назначению не получит одобрения. Вновь возникший конфликт решился только с вмешательством министра П. Н. Игнатьева, за помощью к которому обратились профессора-«назначенцы»⁷⁷.

Кадровая политика Кассо была таким сильным потрясением для петербургской профессуры, что опасения повторения подобных событий сделали решение вопроса о необходимости законодательной защиты собственных прав неотложным. При министре Игнатьеве у профессоров неожиданно появилась возможность заявить о такой потребности.

⁷³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11365. Л. 12.

⁷⁴ Там же. Л. 14.

⁷⁵ Там же. Л. 15.

⁷⁶ Там же.

⁷⁷ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11367. Л. 42 об.

Еще летом 1915 г. развернулась работа по подготовке нового университетского устава, к которой были привлечены как служащие Министерства народного просвещения, так и высшие административные лица подведомственных Министерству академических учреждений. На одном из первых совместных заседаний Игнатъев обратился к профессорам с краткой речью, отметив, что их встречи не должны отличаться «особенной официальнойностью», напротив, должны носить «характер более интимный»⁷⁸. Тем самым он дал понять, что готов к сотрудничеству и открытому диалогу. Сложившиеся условия позволили Э. Д. Гримму затронуть проблему, связанную с «опытом недавнего прошлого», которая касалась произвольных перемещений Министерством профессоров и давно беспокоила его лично и все представляемое им академическое сообщество. От имени Совета профессоров он сделал заявление, в котором высказал необходимость определения в новом уставе прав ученых, защищающих их от случайных перемещений и увольнений. И хотя министр отметил, что «рассмотрение этого заявления выходит за пределы настоящего совещания, так как не предусмотрено уставом», как сообщала газета «Русские ведомости», все же пообещал принять его во внимание и разработать соответствующий законопроект. Заявление Э. Д. Гримма нашло поддержку среди присутствующих лиц, однако оно так и осталось без последствий⁷⁹. По сообщению другой газеты, министр, отвечая ректору, заявил, что этот вопрос относится к законоположению о чинах гражданских, поэтому соображения ректора будут приняты во внимание при его пересмотре⁸⁰. Сопоставляя обе версии печати, можно заметить, что ответ министра Э. Д. Гримму интерпретируется по-разному. Если в первом случае, П. Н. Игнатъев соглашался принять инициативу на себя, то во втором, делать это отказывался. Так или иначе, министр откладывал решение вопроса на будущее.

Надежды на то, что вопрос будет решен в пользу профессоров, могли быть связаны с назначением Э. Д. Гримма товарищем министра народного просвещения⁸¹, что могло усилить позиции столичной профессуры. Еще в мае 1915 г. Э. Д. Гримм и близкие ему коллеги обсуждали вопрос о возможном привлечении его к сотрудничеству в Министерство народного просвещения, узнав, что министр Игнатъев «имеет на него виды». Сам ректор «давно [был] готов к тому, что ему предложат товарища министра». А. Е. Пресняков, взвешивая предполагаемые

⁷⁸ Русские ведомости. 1915. № 135.

⁷⁹ Русские ведомости. 1915. № 141.

⁸⁰ Совещание о новом университетском уставе...

⁸¹ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9226. Л. 269.

перемены в карьере Э. Д. Гримма, одобрительно смотрел на возможность иметь «своих» людей в Министерстве, полагая, что «тогда министерство <...> в кармане, если что понадобится»⁸². Однако занять пост товарища министра Э. Д. Гримму так и не пришлось: Игнатъев взял его в Министерство только в качестве члена Совета министра народного просвещения, при этом за ним сохранялась ректорская должность⁸³. Приказ о назначении Э. Д. Гримма был подписан 27 июня 1916 г.⁸⁴.

Очень скоро расклад сил в академическом сообществе кардинально изменился, и отнюдь не в пользу столичной профессуры. В декабре 1916 г. Игнатъев получил отставку⁸⁵. Его место занял бывший с 1914 г. попечителем Петроградского учебного округа Н. Н. Кульчицкий, который был известен научному миру как «сподвижник Л. А. Кассо», а его деятельность на посту попечителя характеризовалась как «реакционная»⁸⁶. При нем пост товарища министра получил В. А. Удинцев. Таким образом, Кульчицкий продолжил линию Кассо. Это привело к усилению позиций профессоров-«назначенцев» в Петербургском университете. Министерство Кульчицкого не обещало столичным профессорам ничего хорошего, но его деятельность на этом посту длилась недолго, закончившись со сменой политического режима в феврале 1917 г.

В результате свержения самодержавия к власти пришло Временное правительство, состоявшее почти исключительно из представителей кадетской партии. Новое правительство приступило к реформированию сферы высшего образования, начав с кадровых перестановок. Вместе с Кульчицким лишился своего поста и Удинцев⁸⁷, Департамент народного просвещения возглавил бывший ректор Московского университета А. А. Мануйлов, товарищем министра стал Д. Д. Гримм⁸⁸. Теперь, когда во главе Министерства оказались люди, которые в свое время пострадали от политики Кассо, столичные профессора могли рассчитывать на то, что их уволенные коллеги смогут, наконец, вернуться в университет.

3 марта 1917 г. Совет Петроградского университета единогласно принял решение обратиться к министру с ходатайством «восстановить в правах профессоров, отторгнутых от университетской работы»⁸⁹. По-

⁸² Пресняков. Указ. соч. С. 769-770. № 820.

⁸³ ОР РНБ. Ф. 585. Оп. 1. Д. 5696. Л. 9.

⁸⁴ Отчет ... за весеннее полугодие 1916 г... С. 59.

⁸⁵ К отставке гр. Игнатъева...

⁸⁶ Новый хозяин русской школы...

⁸⁷ Отставка товарищей министра...

⁸⁸ Русское слово. 1917. № 49.

⁸⁹ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1. Л. 30 об.

следовало распоряжение Департамента от 14 марта 1917 г. об увольнении всех профессоров, назначенных министром Кассо «без представлений подлежащих факультетов и советов», и замещении образовавшихся вакансий по упрощенному методу. Факультетам предоставлялось право, «не испрашивая на то разрешения, по собственному усмотрению представить Совету кандидатов на освободившиеся должности путем рекомендации <...>, не прибегая к конкурсу»⁹⁰. Так было решено, вероятно, восстановить права удаленных профессоров и автономные начала университета. Ректор Э. Д. Гримм сразу же письменно известил об этом ряд профессоров-«назначенцев» юридического факультета (П. П. Мигулина, И. Н. Трепицына, А. А. Пиленко, А. А. Жилина, А. С. Яценко, И. И. Чистякова, С. П. Никонова, В. А. Удинцева, В. Ф. фон-Зелера), после чего они подали прошения об отставке. Н. Н. Розин и В. М. Грибовский сами попросили об отставке⁹¹. За этим последовало возвращение лиц, перемещенных Кассо в другие университеты. Вернулись М. Я. Пергамент⁹² и И. А. Покровский⁹³, чуть позже — Д. Д. Гримм⁹⁴. На ставшие вакантными должности после отставки «назначенцев» Совет утвердил тех профессоров, которые прежде уже были избраны юридическим факультетом, прошли процедуру баллотирования и утверждения в Совете, но их кандидатуры не были одобрены Кассо: М. И. Туган-Барановский, Ф. В. Тарановский, В. М. Гордон заступили на должности, на которые были избраны прежде⁹⁵.

Не одобряя процедуру назначения на вакантные должности без предварительного одобрения кандидатур соответствующим факультетом и Советом, столичные профессора сами однажды воспользовались ею, став в итоге заложниками собственной инициативы. В 1914 г. Совет профессоров просил Кассо утвердить кандидатуру профессора классической филологии Г. Ф. Церетели простым назначением, в результате чего он был перемещен из Юрьевского в Петроградский университет⁹⁶. По справедливости, согласно предписанию Департамента об увольнении

---

⁹⁰ Там же. Л. 34-34 об.

⁹¹ Там же. Л. 35.

⁹² Там же. Л. 44 об.

⁹³ Там же. Л. 59 об.

⁹⁴ Там же. Л. 85 об.

⁹⁵ Там же. Л. 59. об.

⁹⁶ Ординарный профессор Юрьевского университета Г. Ф. Церетели был перемещен в той же должности в Петроградский университет Высочайшим приказом по Ведомству министерства народного просвещения 6 октября 1914 г. См.: Отчет ... за 1914 г... С. 98.

профессоров, назначенных прежде министром Кассо, профессора Церетели следовало, как и других «назначенцев», отстранить от службы. Понимая, какая участь ожидает теперь Церетели, столичные профессора попытались спасти положение, чтобы не доводить дело до отставки. Ректор Э. Д. Гримм напомнил, что профессор Церетели оказался в «особом положении», так как, хоть и был назначен министром без одобрения Совета, все же факультет тогда единогласно высказался за его избрание. Сам Церетели собирался подать прошение об увольнении, вероятно, чтобы избежать возможных осложнений, но факультет удержал его, заверив в том, что «почитает <...> избранным на кафедру»⁹⁷. Об «особом положении» Церетели ректор сообщил министру, и просил его не распространять на него меры, предпринимаемой по отношению к профессорам по назначению⁹⁸. Однако, согласившись было пойти на эту уступку, министр потом изменил свое решение⁹⁹. Как и профессорам «назначенцам», Церетели в итоге пришлось выполнять распоряжение министра. Теперь он вынужден был, хотя и только формально, пройти процедуру избрания, баллотирования и утверждения¹⁰⁰.

С отставкой от прежних должностей многие «назначенцы» не покинули университет, так как не имели другого места службы. Правда, занимать профессорские должности им уже больше не пришлось. Так, профессоров П. П. Мигулина, А. А. Пиленко, С. П. Никонова¹⁰¹, А. А. Жилина, А. С. Ященко, В. А. Удинцева, В. М. Грибовского¹⁰² и И. Н. Трепицына¹⁰³ понизили в должности, и в качестве приват-доцентов поручили им читать специальные курсы. В отсутствие профессорских вакансий это был единственный способ остаться на преподавательской должности. Эта мера выглядит как изощренная месть «назначенцам», ведь теперь они оказались в положении тех, против кого еще недавно сами так ожесточенно выступали. Пожалуй, только Н. Н. Розину повезло больше других, так как члены юридического факультета решили оставить его в составе профессоров. В отличие от некоторых других «назначенцев» он, если судить по имеющимся источникам, в конфликты со столичными коллегами не вступал. Хотя какие в

⁹⁷ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1. Л. 35-35 об.

⁹⁸ Там же. Л. 36.

⁹⁹ Там же. Л. 52.

¹⁰⁰ Там же. Л. 53-53 об.

¹⁰¹ Впрочем, уже скоро С. П. Никонов был избран ординарным профессором в Томском университете. См.: ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 10644. Л. 34.

¹⁰² ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 9259. Л. 212.

¹⁰³ ЦГИА СПб. Ф. 14. Оп. 1. Д. 11011. Л. 22.

точности мотивы побудили членов юридического факультета проголо-совать за его оставление в своей среде, ответить сложно. После отставки профессор Н. Н. Розин вновь смог вернуться на прежнее место, пройдя все соответствующие этапы избрания¹⁰⁴.

* * *

Министерская политика Л. А. Кассо, связанная с произвольными кадровыми перестановками, породила вражду в профессорской среде. Может быть, впервые за много лет академическому сообществу стало ясно, что его существование находится под угрозой. Конфликт внутри петербургской профессуры протекал в двух плоскостях: как конфликт «правой» и «левой» групп и как конфликт между столичной профессурой и «назначенцами». Политика Кассо обострила существовавшие противоречия. Если «правые», несмотря на неудовольствие произволом властей, считали недопустимым демонстративный уход из университета, то «левые» настаивали на повторении опыта московских коллег. Хотя сам Э. Д. Гримм был выходцем из «левой» группы, стремясь сохранить единство академического сообщества и не допустить разгрома Петербургского университета, он был вынужден, действуя наперекор своим товарищам, фактически поддержать позицию «правых». То обстоятельство, что лидером радикально настроенных «левых» был родной брат Э. Д. Гримма, только придало ситуации особый драматизм. Пожалуй, лишь уговоры ректора и своевременно принятое им решение взять всю ответственность за конфликт с Министерством на себя предотвратили массовые отставки профессоров.

Так уж сложилось в академическом сообществе, что те, кто занимал становившиеся вакантными после репрессивных действий Министерства места, оказывались в положении «изгоев». Взаимное отчуждение между столичными профессорами и профессорами по назначению осложнялось противоречиями в политических взглядах, а также личными неприязненными отношениями. Несмотря на то, что среди столичных профессоров существовало разделение на «левых» и «правых», они выступали заодно против профессоров по назначению именно потому, что те воспринимались ими как ставленники министра Л. А. Кассо. Таким образом, негативное отношение к профессорам-«назначенцам» со стороны столичной профессуры оказалось сильнее их собственных внутренних противоречий. Положение «изгоев» вызвало со стороны «назначенцев» ответную негативную реакцию, что способствовало дальнейшему разворачиванию конфликта.

---

¹⁰⁴ ЦГА СПб. Ф. 7240. Оп. 14. Д. 1. Л. 36.

Прослеживая возникавшие в академической среде разные конфликтные ситуации между профессорами по назначению и их столичными коллегами, можно заметить, что большую часть как личных, так и групповых столкновений инициировал профессор В. М. Грибовский, который пользовался поддержкой своих коллег по назначению. Это позволяет предположить, что в их среде он был негласным лидером.

В возникавших конфликтах столичные профессора защищали права своих коллег, свои традиции и интересы. Профессора по назначению, в свою очередь, пытались отстоять собственные права, касавшиеся их служебного положения. Противостояние шло с переменным успехом. В тех случаях, когда разрешение конфликта зависело от ректора, столичные профессора одерживали верх. Можно припомнить, например, конкретные ситуации, когда профессору В. М. Грибовскому пришлось-таки выполнять распоряжение ректора, когда представления юридического факультета сразу не получали одобрения в Совете. Но отстоять права приват-доцентов столичной профессуре все же не удалось, так как Правительствующий Сенат признал правоту за министром, и в этом смысле это был успех профессоров по назначению. И если средствами достижения успеха для столичных профессоров были воля Совета, настойчивость ректора, то успех профессоров-«назначенцев» зависел не только от решений министра Л. А. Кассо или назначенного им деканом юридического факультета профессора В. А. Удинцева. Случалось, некоторые из них, чтобы добиться своего, пускали в ход преимущества служебного положения и даже могли переступить грань этических норм. Усилению или ослаблению позиций и тех, и других способствовала также смена руководства в Министерстве народного просвещения.

Противостояние столичных профессоров и «назначенцев», ставшее следствием кадровой политики Кассо, продолжилось и после его смерти. Появление «назначенцев», образовавших единую группу, делало невозможным их инкорпорацию в академическое сообщество Петербургского университета. Поэтому конфликт мог разрешиться лишь поражением одной из сторон, но это стало возможным только с кардинальным изменением политической конъюнктуры в результате Февральской революции. Создание кадетского правительства позволило фактически ликвидировать группу профессоров по назначению как активного участника университетской жизни. Хотя приказы Кассо отменялись в соответствии с распоряжениями главы Департамента народного просвещения А. А. Мануйлова, целью которых было восстановить автономные начала университета, тем не менее, расправа с профессорами-«назначенцами» по существу выглядела как сведение счетов.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Беляева О. М.* Эрвин Давидович Гримм: судьба ученого на переломе эпох // Исторические записки. Памяти академика Александра Александровича Фурсенко / Сост. и отв. ред. Б. В. Ананьич. М.: Наука, 2009. Вып. 12 (130). 392 с.
- Вопрос о возвращении в университет уволенных профессоров // Русское слово. 1915. № 27.
- Гримм Д. Д.* Видимая законность и скрытое усмотрение // Вестник Европы. 1913. Февраль.
- Ермолаев Ю. Н.* Ректор Московского университета М.К. Любавский (научная и административная деятельность): Дисс ... канд. ист. наук. М., 2003.
- К отставке гр. Игнатъева // Русская воля. 1916. № 12.
- Л. А. Кассо и просвещение // Речь. 1912. № 212.
- Л-вичъ.* Из жизни высшей школы // Вестник воспитания. Под ред. Н. Ф. Михайлова. М.: Типолитография товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о, 1912. № 4. С. 74-110.
- Лейкина-Свирская В. Р.* Из истории борьбы Петербургского университета с Министерством Кассо // Вестник Ленинградского ун-та. Л.: Изд-во ЛГОЛУ, 1947. № 4.
- Новые петербургские профессора // Речь. 1912. № 193.
- Новый хозяин русской школы // Русская воля. 1916. № 13.
- О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями Министерства Народного Просвещения / Полное собрание законов Российской Империи. Собр. III. СПб.: Государственная типография, 1905. Т. XXV. Отд. I. № 26692.
- Отдел Рукописей Российской Национальной Библиотеки (ОР РНБ). Ф. 585 (фонд С.Ф. Платонова). Оп. 1. Д. 5695, Д. 5696 (Дневник Н.Н. Платоновой).
- Отставка товарищей министра // Русское слово. 1917. Бюллетень 6 марта.
- Отчет о состоянии и деятельности Императорского Петроградского университета за весеннее полугодие 1916 г. Сост. ординарный проф. В. В. Бартольд. Пг.: Типография Б. М. Вольфа, 1916. 235 с.
- Отчет о состоянии и деятельности Императорского С.-Петербургского университета за 1914 г. Сост. заслуженный ординарный проф. А. Х. Гольмстен. Пг.: Типография Б. М. Вольфа, 1915. 356 с.
- Петербургский филиал архива Российской Академии наук (ПФА РАН). Ф. 134 (фонд А.А. Шахматова). Оп. 3. Д. 180 (письмо Ф. А. Брауна А. А. Шахматову).
- Поспелов И.* Из жизни высшей школы (Л. А. Кассо – Д. Д. Гримму. 31 января 1914 г.) // Вестник воспитания. Под ред. д-ра Н. Ф. Михайлова. М.: Типолитография товарищества И. Н. Кушнеревъ и К^о, 1914. № 3. С. 122-130.
- Пресняков А. Е.* Письма и дневники. 1889-1927. Ред.: Р. Ш. Ганелин, В. Н. Гинев, В. М. Панеях, сост.: Д. Н. Лепин, А.В. Антощенко, Е. А. Ростовцев. СПб.: Санкт-Петербургский Институт истории РАН, 2005. 967 с.
- Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1906 г. СПб.: Типография Б. М. Вольфа, 1907. № 62. 234 с.
- Протоколы заседаний Совета Императорского С.-Петербургского университета за 1911 г. СПб.: Типография Б. М. Вольфа, 1913. № 67. 224 с.; за 1912 г. СПб.: Типография Б.М. Вольфа, 1914. № 68. 181 с.; за 1913 г. Пг.: Типография Б. М. Вольфа, 1915. № 69. 230 с.
- Романов Ю. В.* Наука и власть: наследие Л. А. Кассо URL: <http://nature.web.ru/db/msg.html?mid=1154117> (время доступа – май, 2010 г.)

- Российский государственный исторический архив Санкт-Петербурга (РГИА СПб). Ф. 733 (фонд Департамента народного просвещения). Оп. 155. Д. 270 (о параллельных профессорских и приват-доцентских курсах.). Д. 146 (о замещении кафедр в Имп. СПб. университете. 1912 г.); Д. 684 (профессоры и приват-доценты Имп. СПб. университета и о замещении вакантных должностей).
- Ростовцев Е. А.* «Борьба за автономию»: корпорация столичного университета и власть в 1905-1914 гг. // *Journal of Modern Russian History and Historiography*. 2009. Vol. 2. Charles Schlacks, Publisher Idyllwild, California, USA California, Idyllwild, 2009. P. 75-123.
- Русские ведомости. 1915. №№ 135, 141.
- Русское слово. 1917. № 49.
- Свод законов Российской империи. Т. III. Кн. I. Уставы о службе гражданской. СПб., 1876.
- Совещание о новом университетском уставе // Русское слово. 1915. № 141.
- Соломонов В. А.* «Устранение собственных научных сил – факт непостижимо беспримерный в жизни просвещения!» (Министр Л. А. Кассо и судьбы российских университетов) // *Отечественная история и историческая мысль в России XIX – XX веков. Сборник статей к 75-летию Алексея Николаевича Цамутали*. СПб.: Издательство «Нестор-История», 2006. 612 с.
- Таубе М. А.* «Зарницы»: Воспоминания о трагической судьбе предреволюционной России (1900-1917). Ред. А. Сорокин, Т. Чеботарев. М.: Росспэн, 2007. 271 с.
- Центральный Государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. 7240 (Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова). Оп. 14. Д. 1 (протоколы заседаний Совета Петроградского университета за 1917 г.).
- Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 14 (фонд Петербургского университета). Оп. 1. Д. 9226 (личное дело профессора Э. Д. Гримма); Д. 9259 (дело об оставлении при СПб. университете приват-доцента В. М. Грибовского); Д. 10644 (дело о назначении С.П. Никонова ординарным профессором Петербургского университета); Д. 11011 (дело о назначении И. Н. Трепицына экстраординарным профессором С.-Петербургского университета); Д. 11365 (протоколы заседаний Совета С.-Петербургского университета за 1916 г.); Оп. 25. Д. 46 (переписка ректора с попечителем СПб. учебного округа о студенческих собраниях).
- Яковлев В. П.* Политика самодержавия в университетском вопросе. 1905–1911. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л.: Ленинградский университет, 1970.
- Kassow S. D.* Students, Professors and the State in Tsarist Russia. Berkeley: Univ. of California Press, 1989. 438 p.

Беляева Оксана Михайловна, магистр Европейского университета в Санкт-Петербурге, соискатель Европейского университета в Санкт-Петербурге; *obeljaeva@eu.spb.ru*.